

Хуа Цяньшуан наклонился ближе, коснулся губами губ Шэнь Чжинаня и заставил их разомкнуться.

Очень сладко, словно цветочный нектар.

Это был первый поцелуй Шэнь Чжинаня с мужчиной.

Тот самый поцелуй, который должен был достаться мужу в брачную ночь, сейчас был грубо похищен другим.

От этого поцелуя у Шэнь Чжинаня закружилась голова. Феромоны Хуа Цяньшуана, пропитавшие воздух, пахли кедром — прохладным, свежим и терпким.

Древесный аромат кедра переплелся с холодным запахом белых роз, сливаясь воедино.

Инстинктивное влечение альфы и омеги постепенно пробуждало в Шэнь Чжинане страсть, но в то же время вызывало в глубине души странный, горестный отклик.

Оказывается, любой альфа способен разжечь в нем желание. Похоже, он на самом деле не так уж сильно любил Фэн Няня.

Густой запах кедра в воздухе начал давить на грудь, мешая дышать. Шэнь Чжинань с трудом сглотнул, пытаясь сохранить хоть каплю рассудка.

Зачем ему Фэн Нянь? Он больше не хочет Фэн Няня.

Фэн Нянь его не любит, Хуа Цяньшуан не может дать ему любви. Да и нужна ли ему эта любовь?

Он больше не хочет. Не хочет любить.

Если завтра утром он придет к Фэн Няню, пропитанный этим ароматом, какое выражение лица будет у того?

Эта порочная мысль, возникнув однажды, уже не давала покоя.

— Сосредоточься, — Хуа Цяньшуан прикусил губу Шэнь Чжинаня, и легкие, отрывистые поцелуи посыпались вниз, к уголкам рта.

Шэнь Чжинань был вынужден запрокинуть голову, его длинная тонкая шея напоминала изящного белого лебедя в танце.

Разжав пальцы, которыми он судорожно сжимал одеяло, он смело обхватил Хуа Цяньшуана за плечи.

Кожа под его ладонями была горячее, как солнце. Разве этот мужчина для Империи не был подобен самому солнцу?

От этой мысли Шэнь Чжинань на мгновение пришел в возбуждение.

Движение Шэнь Чжинаня заставило Хуа Цяньшуана на секунду замереть.

Раздался тихий, низкий смешок, и Хуа Цяньшуан, обхватив узкую талию Шэнь Чжинаня, вжал его в мягкое лебяжье одеяло.

Не предпринимая дальнейших действий, он смотрел сверху вниз на прекрасного юношу, утопающего в мягкости постели. Его пальцы легко коснулись распухших губ Шэнь Чжинаня, медленно опустились ниже, скользнули по дрожащему кадыку, по вздымающейся груди и, наконец, остановились на животе.

Живот был очень плоским, тонким, как лист бумаги.

Там, внутри, находилась полностью развитая репродуктивная система омеги. Однажды там зародится новая жизнь, и этот тонкий живот станет большим и округлым.

Хрупкий, изящный омега станет настолько тяжелым, что ему будет трудно ходить, и даже сидя он будет придерживать поясницу рукой.

Возможно, от боли при беременности его глаза покраснеют, наполнятся слезами, и он будет тихо плакать, ища у него утешения.

— Здесь твой репродуктивный орган. Я войду в тебя и оставлю свое семя, — Хуа Цяньшуан приподнял веки. Шэнь Чжинань, смущенный столь прямолинейными словами, уже отвел взгляд.

Хуа Цяньшуан с удовольствием наблюдал за его покрасневшими ушами:

— Ты родишь мне моего первого ребенка, первого принца Галактической Империи.

Обещаниям мужчин в постели обычно грош цена, и Шэнь Чжинань не хотел вникать в то, насколько искренни слова Хуа Цяньшуана.

Дыхание Хуа Цяньшуана, склонившегося к его уху, становилось все тяжелее, хриплее и глубже.

Он пообещал ему:

— Ты станешь моей Императрицей-консортом, моим единственным омегой.

А затем добавил нечто крайне порочное:

— Я заставлю тебя плакать.

Хуа Цяньшуан сдержал свое слово как Император Галактической Империи.

Неважно, умолял ли Шэнь Чжинань сквозь слезы остановиться — он не прекращал.

В тишине дворца всю ночь раздавались жалобные стоны хрупкого омеги.

Черная змея, пуская раздвоенный язык, сорвала самую красивую белую розу в саду, обвив ее своим опасным телом.

Она целовала под луной нежные лепестки, разрывая хрупкую сердцевину цветка.

Оставив после себя лишь сломанные лепестки и капли сока на земле.

Фэн Нянь не прикасался к нему целых пять лет. Когда-то гордая маленькая роза сомневалась: может, он недостаточно красив? Может, у него нет шарма? Может, он чем-то плох?

Видишь, на самом деле всё не так.

Когда Хуа Цяньшуан изматывал его до полусмерти, Шэнь Чжинань горько плакал, но при этом испытывал невыразимое чувство удовлетворения.

Самоуверенность, которую он так долго пытался подавить, наконец была разрушена.

Он по-прежнему оставался самым красивым и очаровательным омегой Империи, способным пленить даже самого могущественного мужчину в государстве.

Если Фэн Нянь к нему не прикасался, то лишь потому, что не любил его.

Проснувшись на следующий день, Шэнь Чжинань почувствовал, что его кости готовы рассыпаться.

Каждый сустав ныл от боли, особенно в одном месте, о котором было стыдно даже думать, — там все еще сохранялась невыносимая ноющая боль.

Вчерашней ночью его терзали снова и снова. В моменты просветления в голову приходила пугающая мысль: а не сломался ли он окончательно?

Шэнь Чжинань мысленно продолжал ругать Хуа Цяньшуана.

Неужели единственный правитель их Империи — столетний девственник? Железное дерево зацвело, старик обзавелся женой, старый дом вспыхнул ярким пламенем, и он, едва добравшись до него, маленького девственника, набросился с такой жадностью.

Хотя, подумав, он решил, что это маловероятно. Это же Хуа Цяньшуан! За сто с лишним лет у его ног наверняка валялись тысячи прекрасных омег, готовых на всё, чтобы родить Императору наследника.

Мысли о ребенке.

Рука Шэнь Чжинаня под одеялом осторожно переместилась на низ живота. Там, под тонкой кожей, была его репродуктивная система, прошлой ночью до краев наполненная феромонами альфы, и...

Забеременеет ли он? Он невольно вздрогнул.

Он лениво приоткрыл глаза. Ожидаемого нестерпимого дискомфорта не было.

Было немного неприятно, но вполне терпимо.

Шэнь Чжинань попытался перевернуться и неожиданно встретился взглядом с темными глазами.

— Ваше... Ваше Величество?

Почему Хуа Цяньшуан всё еще здесь? Разве такой высокопоставленный Император не должен был исчезнуть на следующее утро? Именно так всегда пишут в романах.

— М-м, — Хуа Цяньшуан, внезапно приблизившись, обнял омегу, пропитанного его собственным запахом.

Сытый Император выглядел расслабленным и довольным. Он поцеловал Шэнь Чжинаня в чистый лоб и снова притянул мягкого, сладкого омегу к себе.

Шэнь Чжинань был довольно высоким для омеги, но в объятиях могучего альфы казался совсем крошечным.

Он напоминал кролика в пасти свирепого волка.

Утренний свет падал на цветные витражные окна, атмосфера в комнате стала умиротворенной и мягкой, откуда-то издалека доносилось звонкое пение птиц.

Шэнь Чжинань моргнул. Он уже не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя так спокойно.

После того как он решил пустить всё на самотек, стало гораздо легче. Чувство вины за измену Фэн Няню быстро улетучилось, сменившись чувством злорадства.

Фэн Нянь позволил Цзян Юэин поселиться в Резиденции генерала.

А он может провести ночь в покоях Императора.

— Ваше Величество, вы действительно сделаете меня Императрицей-консортом? Но я ведь еще не разведен с генералом...

Гладкая спина Шэнь Чжинаня плотно прижималась к горячей груди Хуа Цяньшуана, отчего он слегка терял связь с реальностью.

Неужели у всех альф такая высокая температура тела? Почему же Фэн Нянь был к нему так холоден?

Галактическая Империя была более прогрессивной в плане личных отношений, чем государства прошлого: омеги могли свободно работать, не обязанные сидеть дома и заниматься лишь воспитанием детей.

В браке измены, конечно, осуждались, но любовные связи были делом обычным.

В любом случае, для Хуа Цяньшуана никакие юридические или моральные вопросы не были проблемой.

— Пропитанный моими феромонами, иди и скажи Фэн Няню, что ты разводишься с ним, — альфа склонил голову и оставил поцелуй на плече омеги.

Развод.

Два простых слова, словно сложное заклинание, жужжали и вибрировали в голове.

— Я прикажу Цзян Мэншаню сопровождать тебя, — холодный голос Хуа Цяньшуана вырвал Шэнь Чжинаня из оцепенения.

Высокий альфа стоял к нему спиной, против света. Полуденное солнце пробивалось сквозь щели в окнах, очерчивая мощные плечи Хуа Цяньшуана мягким сиянием.

Длинные черные волосы ниспадали на спину, скрывая следы, которые Шэнь Чжинань оставил

на нем прошлой ночью.

Фэн Нянь обладал исключительной внешностью, и его прекрасное холодное лицо когда-то очаровало Шэнь Чжинаня.

Он сидел на кровати, сжимая одеяло, и смотрел снизу вверх на бога Империи, находящегося на расстоянии вытянутой руки.

Их близость сорвала с Хуа Цяньшуана слои стереотипов.

Отбросив все эти божественные титулы «высший правитель Империи» и «бог Империи», Шэнь Чжинань вдруг понял, что имел в виду Цзян Мэншань, говоря, что Хуа Цяньшуан — просто мужчина.

Хуа Цяньшуан развернулся. На нем был распахнутый черный халат, обнажающий крепкую грудь и живот.

На самом деле, это был невероятно красивый мужчина.

Шэнь Чжинань про себя подумал: если разобраться, еще неизвестно, кто кого «уложил».

Пусть это было самовнушением, но Шэнь Чжинаню стало намного легче.

— Ваше Величество, Цзян Мэншань не нужен, я могу вернуться сам, — Шэнь Чжинань сидел на огромной кровати, обернувшись одеялом, обнажив лишь гладкое плечо.

Кожа омеги была белой с розовым подтоном, словно присыпанной жемчужной пудрой.

Пальцы слегка зачесались — Хуа Цяньшуан до сих пор помнил нежность этой кожи.

Настоящий красавец.

Он всегда с легкостью пробуждал в нем самые первобытные мужские инстинкты.

— Хорошо, — просьба Шэнь Чжинаня вызвала у Хуа Цяньшуана искорку интереса.

Он размышлял, есть ли вероятность, что его маленькая красавица передумает.

Молодые и наивные омеги всегда склонны погружаться в пустые любовные переживания.

Муж этого бедняжки никогда его не любил, но что, если у этого омеги появится другой альфа?

Тогда всё может измениться.

Любой альфа с трудом перенесет, если кто-то другой заберет его омегу.

Ха! Но, к сожалению, этот «кто-то другой» — он сам.

Даже если цена измены была бы огромной, Император, известный своей рассудительностью, не мог исключать такой возможности.

Неизвестно откуда он достал браслет. Хуа Цяньшуан опустился на одно колено и, под испуганным взглядом Шэнь Чжинаня, надел его на тонкое запястье омеги.

Щелчок — и его омега оказался надежно заперт.

Прошлой ночью Хуа Цяньшуан поставил Шэнь Чжинаню временную метку.

Когда его маленькая роза официально станет Императрицей-консортом, он даст ему полную метку и позволит зачать их ребенка.

— Ваше Величество, что это? — Шэнь Чжинань почувствовал холод на запястье и увидел черный змеевидный браслет.

Голова змеи кусала свой хвост — украшение выглядело настолько реалистично, словно маленькая черная змейка обвила руку Шэнь Чжинаня.

А поскольку Шэнь Чжинань был неестественно бледен, сочетание черного и белого выглядело странно и пленительно.

— Это защита для тебя. Не снимай его, — Хуа Цяньшуан поднес запястье Шэнь Чжинаня к губам и легко поцеловал. От кожи исходил густой аромат белых роз.

С сегодняшнего дня это его маленькая роза.

Вчерашняя одежда была безнадежно испорчена, превратившись в грудку лоскутов на полу.

Надев подаренный браслет, Шэнь Чжинань переоделся и вышел из покоев Императора. Впервые в жизни он внимательно осмотрел этот Императорский дворец Галактической Империи, возвышающийся над Имперской столицей.

— Красиво, не правда ли? — Хуа Цяньшуан стоял позади него, заложив руки за спину.

Шэнь Чжинань резко обернулся. Его глаза, яркие, как звезды, смотрели на Хуа Цяньшуана с некоторой нервозностью.

— Ваше Величество, раз вы пообещали сделать меня Императрицей-консортом, можно задать вам один нескромный вопрос?

Увидев, что Хуа Цяньшуан не разозлился, Шэнь Чжинань глубоко вздохнул:

— Ваше Величество, в вашем гареме... буду только я или...

Хуа Цяньшуан ответил:

— Только ты один.

Он нежно убрал прядь волос за ухо Шэнь Чжинаня:

— Иди. Я буду ждать тебя здесь, моя будущая Императрица.

Шэнь Чжинань посмотрел в сторону: неподалеку, словно статуя, застыла черная фигура.

Цзян Мэншань привез его сюда, он же должен был отвезти его обратно.

По сравнению с остальными, Цзян Мэншань, которого он видел уже не раз, был лучшим выбором. По крайней мере, с ним не было так неловко.

Обратный путь они проделали вдвоем. Цзян Мэншань молча смотрел вперед, управляя кораблем, летящим к шумному городу внизу.

Шэнь Чжинань опустил голову и с трудом поерзал на сиденье.

В конце концов, это был его первый раз. Даже если могущественный Император старался быть осторожным, Шэнь Чжинань не мог игнорировать боль.

Ноги стали мягкими, как лапша, а при сидении ощущалась тупая боль.

— Подложи это, — ему протянули мягкую подушку.

Шэнь Чжинань опустил голову еще ниже, закусив распухшую нижнюю губу, и в отчаянии взял подушку.

— Цзян Мэншань, ты не думаешь... что я бесстыдный омега, жаждущий власти? — Шэнь Чжинань теребил пальцы. — Я еще не развелся с Фэн Нянем, а уже переспал с Его Величеством. Ты, наверное, презираешь меня?

Ответ Цзян Мэншаня был сухим, как официальный отчет:

— Вы будущая Императрица, никто не посмеет вас презирать.

Шэнь Чжинань поднял глаза и уставился на него:

— Ты как робот. Трудно сказать правду? Я никому не расскажу, да и... некому рассказывать, у меня нет друзей. Хотя, нет, были, но после того как семья обанкротилась, они увидели, что Фэн Нянь ко мне плохо относится, и перестали со мной общаться.

В носу защипало. Шэнь Чжинань глубоко вздохнул и нацепил яркую улыбку:

— Впрочем, неважно. Его Величество пообещал мне, что как только я разведусь, он сделает меня своей Императрицей. Скоро я стану одним из самых почитаемых людей Галактической Империи. Все те, кто смеялся надо мной и пинал, когда я был отвергнут Фэн Нянем, еще пожалеют!

Знаешь что? Когда я представляю их лица, когда они узнают, что я вышел за Его Величество, мне хочется смеяться! Ха-ха! — Шэнь Чжинань закрыл глаза, глубоко вдохнул и слегка приподнял уголки губ. — Я, наверное, выгляжу как мелкий человек, торжествующий победу? Но мне плевать, что они думают, главное — я счастлив!

В конце концов, все равно никто меня не любит.

Цзян Мэншань приподнял веки, мельком взглянул на Шэнь Чжинаня и тут же отвел взгляд:

— Вы — Императрица Империи, вам не нужно заботиться о мнении других.

— Вы правда не хотите, чтобы я проводил вас? — транспорт Цзян Мэншаня остановился недалеко от Резиденции генерала.

— Не нужно, подождите меня здесь. Если будет опасность, я свяжусь с вами по коммуникатору.

Шэнь Чжинань покачал головой, настаивая на том, чтобы идти одному.

Он возвращался, пропитанный феромонами другого альфы. Даже если их отношения с Фэн Нянем были плохими и они ни дня не были настоящими супругами, Шэнь Чжинань прекрасно понимал: его поведение — прямое оскорбление Фэн Няня как альфы.

Зная, что Фэн Нянь потеряет лицо и может прийти в ярость.

Шэнь Чжинань вдруг испытал странное, мрачное удовлетворение. Ему не терпелось предстать перед Фэн Нянем, источая запах другого мужчины, и, словно жалкий клоун, сказать: смотри, даже если ты не прикасаешься ко мне, есть много других мужчин, которые этого хотят.

Что с того, что он ранит врага на тысячу, а себя на восемьсот?

Ему все равно, главное — он доволен.

Он готов был дать Фэн Няню и Цзян Юэин то, чего они хотели, но это не значит, что он великодушный человек.

Зачем быть великодушным?

Жертвовать собой ради других?

Нет, он будет мелким, мелочным человеком.

Фэн Нянь унижал его с помощью Цзян Юэин, он ответит тем же.

Даже если придется уступить им, он отомстит так, чтобы было больно.

Шэнь Чжинань только приблизился к Резиденции, как издалека заметил патрульных. Стражники, конечно, узнали супругу генерала с изумрудными глазами.

А также почувствовали сильный, агрессивный запах альфы, исходящий от него.

Супруга генерала не только не вернулся домой ночью, но и на следующий день, пропитанный феромонами другого альфы, вальяжно вернулся в Резиденцию.

Как только Шэнь Чжинань переступил порог, слухи о нем разлетелись быстрее ветра, мгновенно охватив всё высшее общество столицы.

В Резиденции генерала, обычно тихой и безжизненной, сегодня было необычайно шумно.

Помимо Фэн Няня и Цзян Юэин, Шэнь Чжинань увидел и приемных родителей Фэн Няня.

Родители Фэн Няня были неизвестны, он был сиротой, которого они подобрали на поле боя.

Даже не будучи родными, Фэн Нянь считал их самыми близкими людьми.

И поскольку отец Шэнь Чжинаня когда-то угрожал приемным родителям Фэн Няня, чтобы заставить того жениться, все они питали к Шэнь Чжинаню глубокую неприязнь.

— Ты! Что это на тебе? Я знала, что ты непутевый омега, просто безумие! Как ты посмел не ночевать дома, да еще и вернуться, пропитанный этой отвратительной вонью? — приемная

мать Фэн Няня стояла рядом с Цзян Юэин, глядя на Шэнь Чжинаня с крайним отвращением.

Шэнь Чжинань взглянул на руки приемной матери Фэн Няня и Цзян Юэин, которые они держали вместе.

Раньше он пытался угодить приемным родителям Фэн Няня, но они смотрели на него свысока и, как и сам Фэн Нянь, никогда не признавали его статуса.

— Шэнь Чжинань, иди в свою комнату, — после секундного замешательства приказал Фэн Нянь.

На него был направлен холодный взгляд. Шэнь Чжинань поднял голову и встретился с неестественно спокойными глазами Фэн Няня.

<http://bllate.org/book/21238/2148649>